

ВСЕ МЫ УПАДЕМ

ГОХАР ХОМАЮНПУР

Игра ассоциаций увлекает мое сознание от первой судороги к наступающему припадку эпилепсии, от легкого головокружения к ощущению падения вниз.

Рас-цве-ло все ро-за-ми, В карманах их букеты. Ой, апчхи! Ой, апчхи! Все мы упадем...

Согласно Фицджеральду, этот детский стишок возник во время Великого мора (он же «Черная Смерть») – эпидемии легочной чумы, которая одолевала Лондон с 1665 по 1666 годы. Вот что он сообщает:

«Рас-цве-ло все ро-за-ми» ("Ring-a-Ring-a-Roses" в оригинале) — это на самом деле про Великую эпидемию чумы. За кажущейся детской фантазией здесь скрывается один из самых потаенных страхов Лондона. Обреченный тон этого стишка беспощаден: розы здесь служат эвфемизмом для смертносной красной сыпи у больного, а букеты в карманах предполагаются как средневековое средство защиты от заразы. Это «ой, апчхи!» относится к чихающим симптомам, а падение всех вниз подразумевает, собственно, смерть...

Далеко не все согласятся с правомерностью именно такого толкования, учитывая версию, согласно которой вышеупомянутое стихотворение на самом деле восходит к предыдущему Великому мору - в 1347 году, который явился самым первым случаем бубонной чумы на Британских островах.

Уточнять эти исторические факты не так уж важно для наших нынешних целей. С точки зрения психоаналитика, главное здесь не в них. А в том, что целые поколения считали этот детский стишок отражением ситуации вроде той, с которой столкнулся сегодня весь мир с наступлением пандемии короновируса COVID-19.

Головокружение и смещенное восприятие реальности близки к опасению сорваться вниз – потому, что они нас как бы ставят на самую грань обретения свободы. Но на данное время, мы все летим вниз и потому должны смириться с тем, что наше тело тоже срывается. Чем мы меньше весим, тем стремительнее падение. Наше естество вынуждает нас сопротивляться силе земного притяжения, беспокойству и свободному падению – что ведет к судорогам и к обрушиванию наших надежд. Не кажется ли вам, что судороги выступают способом защиты от падения вниз? Можем ли мы их рассматривать, как попытку сопротивляться силе притяжения и не отдаться целиком воле случая – как сделал Человек-Птица? (В своей книге, *The Love of Beginnings*, Жан-Бертран Понталис замечает:

Я видел, как человек бросился вниз, улыбаясь при этом, с самой вершины Эйфелевой башни. Он надел на себя большие крылья. Пригласил для этого журналистов и кинооператоров. Он падал отвесно, по прямой линии. Рухнул прямо под ноги собравшимся официальным лицам в темных костюмах. Я не знаю, как его звали. Он был известен под кличкой Человек-Птица. В том, что касается приготовлений к своему подвигу, он не предоставил ни малейшей детали воле случая.)

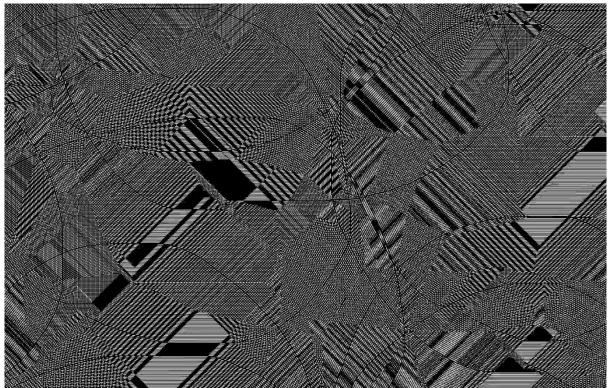
Известно, что судороги в начале припадка эпилепсии отличаются яркими, незаурядными проявлениями. Но один из первых психических механизмов, которые выходят на передний план во время эпилепсии — это вуайеризм-эксгибиционизм. В ходе этого явления, больная эпилепсией, которая не видит себя со стороны во время судорог, как бы показывает себя в этом состоянии окружающим.

Здесь интересно заметить, что один из признаков улучшения ее состояния – это когда подверженная эпилепсии начинает вдруг осознавать связи между наступлением судорог и своими жизненными обстоятельствами. Иначе говоря, она постепенно сама становится вуайеристкой, которая подглядывает за своей жизнью в гораздо большей мере, чем показывает ее другим, когда устраивает весь этот спектакль на публику.

В итоге, можно сказать, что ее судороги начнут проходить тогда, когда пациентка потребует назад все свои обрушившиеся фантазии. Когда начнет вспоминать все то, что знала с самого начала, когда наберется храбрости трезво взглянуть на свои подсознательные инфантильные фантазии «с достоинством женщины, а не с горечью ребенка».

Вот мы и набиваем себе карманы букетиками цветов, но там накопилось и много пепла — это так близко, так непосредственно, так осязаемо. При этом розовый цвет так же неминуем, как и красная сыпь на коже при заболевании. Нам становится невозможно дышать, в любом смысле этого слова — переносном, буквальном или политическом. Мы уже так давно боремся с этой смещенной реальностью. А теперь к этим проблемам добавился еще и Covid-19, так что большая часть отлаженных

механизмов нашей психической защиты вдруг грубо отобрана у нас, и остается только проваливаться в бездну беспокойства.

Weave Draft Aberrations (still) ~ Jovencio de la Paz

Это падение вниз может нас трансформировать, но нам об этом судить рано. И хотя мы еще не знаем этого, по той же причине мы просто обязаны отдаться силе притяжения, которая увлекает нас вниз — на этом этапе, надо просто идти на риск. И только когда падение закончится, мы сможем разобраться, разбились ли мы насмерть, или же мы летели вниз на самом краю субъективности, то есть на краю свободы. В этом и состоит смысл беспокойства, согласно таким мыслителям, как Кьеркегор и Лакан. Беспокойство — это пространство, которое пробуждает фантазии. А в другом уже месте, мы встречаем обрушение этих фантазий, что в конце концов является неотъемлемой частью истерических судорог и наступления эпилепсии. Вот тут уже действительно, «рас-цве-ло все ро-за-ми» и все мы упадем...

Быть может, нам удастся ухватить момент головокружения, и тем самым предотвратить наступление судорог.

Кьеркегор пишет так:

Беспокойство можно уподобить головокружению. Тот, чей взгляд внезапно погружается в зияющую бездну, испытывает головокружение. Но в чем его причина? Оно в той же мере присутствовало и в самом его взгляде, а не

только в глубине бездны — ведь смотрящий мог в нее и не заглянуть. В силу этого, беспокойство есть головокружение от свободы, которая возникает от желания духа утвердить свой синтез. Эта свобода смотрит вниз на возможность самой себя, полагая завершенность и самодостаточность. Свобода покоряется головокружению.

Одна моя пациентка с эпилепсией сообщила мне на днях, что с началом эпидемии короновируса, все вокруг ей тоже кажутся эпилептиками. «Я теперь могу позволить себе головокружение, мне не нужны конкретика и мелодрама судорог, и я могу наконец войти в менее судорожный, шекспировский театр головокружения и беспокойства».

И может быть, вполне может быть, что лишь с обвалом всех наших иллюзий нам приходится сознательно и наконец трезво взглянуть на сильные влияния извне. Мы обязаны знать эти чуждые влияния: от государственной машины до нашего психоаналитика. И когда субъективное понятие «обязаны знать» становится таким распространенным на фоне неопределенности в эпоху пандемии, мы можем лучше вообразить себе отстаивание и возврат наших фантазий. Можем вообразить себе саму возможность быть субъектом, пострадавшим во время падения, но тем не менее в чем-то покорившимся силе притяжения и ее неизбежному превосходству над нашими телами, нашим естеством. Но этот акт отстаивания и возврата фантазий нам придется изучать, доделывать уже потом. А на данный момент, нам надо просто вытерпеть беспокойство в процессе падения, на грани возможности нашего желания, и на грани возможностей языка.

Нам всем нужно стать как та моя пациентка, которую одолевает головокружение от свободы. Она сознательно позволяет себе падать, тем самым возвращая свои обрушившиеся фантазии — ее оброненные слова, они нам как единственно возможные антитела, чтобы перенести всю фатальность падения вниз. Это попытка ухватить тот промежуточный момент головокружения в нашем падении - прощаясь с судорогами эпилепсии, которые уже не наступят.

Translated by Nick Portugal

Balt, Andrea. "After a While, You Learn: Jorge Luis Borges ." *Rebelle Society*, 15 Sept. 2012, http://www.rebellesociety.com/2012/09/15/poetry-lounge-after-a-while-you-learn/.

Fitzgerald, James. "Five London Nursery Rhymes Depicting Death And Ruin." *Londonist*, 8 July 2014, https://londonist.com/2014/07/five-london-nursery-rhymes-actually-about-death-and-ruin.

Fowler, Gillian R. "Moving the Plague: The Movement of People and the Spread of Bubonic Plague in Fourteenth Century through Eighteenth Century Europe." n.d., 50.

Kierkegaard, Søren. The Concept of Anxiety: A Simple Psychologically Orienting Deliberation on the Dogmatic Issue of Hereditary Sin. Translated by Albert Anderson, Princeton UP, 1844.

Lacan, Jacques. Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis: The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis. Edited by Jacques-Alain Miller, translated by Alan Sheridan, Norton, 1998.

Neyraut-Sutterman, T. "Fragments de L'Histoire de l'Épilepsie Pour La Psychanalyse de l'Homme Aux Liens." *Rev. Fr. Psychanal.*, 1978, pp. 439–78.

Pontalis, Jean-Bertrand. Love of Beginnings. Translated by J. Greene, Free Association Books, 1993.

Staiano, Judy. "The Impact of the Plague on Human Behavior in Seventeenth Century Europe." *ESSAI*, vol. 6, article 46, 2008.

Gohar Homayounpour is an author and psychoanalyst who belongs to the International Psychoanalytic Association, American Psychoanalytic Association, and the National Association for the Advancement of Psychoanalysis. She is a Training and Supervising Psychoanalyst of the Freudian Group of Tehran, which she founded, and where she was Director until 2018. Dr Homayounpour is a member of the Scientific Board at the Freud Museum in Vienna as well as a member of the IPA group Geographies of Psychoanalysis.

Dr Homayounpour's book *Doing Psychoanalysis in Tehran* (2012: MIT Press) won the NAAP's Gradiva Award and has been translated into multiple languages. Other recent publications and book chapters include "The Dislocated Subject" (2019) and "Islamic Psychoanalysis and Psychoanalytic Islam" (2019).

Nick Portugal (translator) believes that each individual lives as many lives as they speak languages. In addition to his native Russian, he has been fortunate to travel the world and dedicate some years to exploring Mandarin, English and most recently French. Based in Toronto, Nick enjoys occasionally going back to his earliest career as a translator, to try and create textual links among these cultures.

Jovencio de la Paz is an artist, weaver, and educator. His current work explores the intersecting histories of weaving and modern computers. Rhyming across millennia, the stories of weaving and computation unfold as a space of speculation. Trained in traditional processes of weaving, dye, and stitch-work, but reveling in the complexities and contradictions of digital culture, de la Paz works to find relationships between concerns of language, embodiment, pattern, and code with broad concerns of ancient technology, speculative futures, and the phenomenon of emergence. He is currently Assistant Professor and Curricular Head of Fibers at the University of Oregon.

Weave Draft Aberrations is shown here as a still from one of three videos featured in full on stillpointmag.org.